

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

*И.И. Синякин**

Аннотация. В настоящее время механизм антитеррористического сотрудничества развился в разветвленную многоуровневую систему, предусматривающую возможность скоординированного и оперативного ответа на любые виды террористических вызовов и угроз. Это обусловлено множеством факторов. Однако рост числа указанных преступлений и их частота все чаще ставят вопрос о содержании, превентивном характере, эффективности и перспективах существующего международного сотрудничества по борьбе с терроризмом, неспособности государств разработать на основе международного права действенный механизм противодействия новым, современным вызовам и угрозам. Следует частично признать правоту подобных утверждений: в силу своей специфики международно-правовое сотрудничество государств представляет собой ограниченный механизм противодействия терроризму. В этой связи необходимой задачей становится определение границ международно-правового регулирования рассматриваемой сферы. В статье приводится анализ современных теоретических и практических аспектов международно-правового сотрудничества государств по борьбе с терроризмом, рассматриваются перспективы их дальнейшего развития в свете новых вызовов и угроз.

Ключевые слова: акты международного терроризма; международное право; международный мир и безопасность.

Современная специфика международного антитеррористического сотрудничества (как явления, так и его состояния на настоящем этапе развития) обусловлена рядом факторов.

Как и всякий предмет исследования, международно-правовое сотрудничество государств в данной сфере может быть рассмотрено с двух точек зрения: теоретической и практической. Однако в отличие от многих институтов и даже отраслей международного права, где указанные области фактически полностью совпадают либо значительно пересекаются (право между-

народных договоров, дипломатическое право, международное гуманитарное право), теоретическая и практическая стороны антитеррористического сотрудничества соприкасаются весьма поверхностно. Эта особенность сложилась в силу определенных обстоятельств.

1. *Наличие разных задач, стоящих перед теорией международного права и существующей практикой по противодействию терроризму.* В этом плане для исследователей представляют, в частности, следующие задачи: 1) определение критериев квалификации преступления терроризма и отнесе-

* Синякин Иван Игоревич – к.ю.н., доцент кафедры международного права МГИМО МИД России. ilc48@mail.ru.

ния его к международным преступлениям или преступлениям международного характера; 2) разработка универсальной дефиниции терроризма и заключение на ее основе универсального международного договора; 3) определение правомерности обращения к практике совершения преступлений терроризма национально-освободительными движениями; 4) целесообразность учреждения специальных международных судебных органов по преступлениям терроризма; 5) необходимость распространения на преступления терроризма универсальной юрисдикции и др.

С точки зрения практики, государства преследуют конкретные цели, заключающиеся в необходимости разработки такого международно-правового механизма сотрудничества, который позволял бы: 1) унифицировать национальные законодательства по установлению уголовной ответственности за определенные составы преступления терроризма; 2) оперативно обмениваться информацией для предупреждения, пресечения или расследования актов терроризма; 3) устанавливать правовые основы оказания правовой помощи; 4) исключать ситуации ухода от ответственности вследствие отсутствия в законодательстве государств соответствующего правового регулирования; 5) определять основы для установления юрисдикции государств в отношении актов терроризма, в том числе определять, какое государство или государства правомочны осуществлять расследование; 6) устанавливать содержание, порядок и рамки проведения оперативных мероприятий в связи предупреждением, пресечением или расследованием актов терроризма; 7) координировать усилия по устранению последствий актов терроризма.

Безусловно, вышеперечисленное вовсе не исключает возможности практического решения отдельных теоретических задач (например, включение Комиссией международного права преступления международного терроризма в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г.). Более того, современные механизмы противодействия терроризму являются результатом, в том

числе, и теоретических обобщений. Также следует отметить, что практическая реализация некоторых идей, как, например, учреждение специальных международных судебных органов или распространение на преступления терроризма универсальной юрисдикции, имеет большой практический потенциал. Однако в повседневном межгосударственном общении при решении конкретных задач существующие договорные механизмы полностью удовлетворяют «потребности» международного сообщества.

2. *Нежелание или неспособность субъектов международного права достичь единой согласованной воли по принципиальным международно-правовым аспектам антитеррористического сотрудничества.* Невероятно высокая политизированность проблемы, ее значимость для соблюдения национальных интересов и обеспечения внутригосударственной безопасности (требующая большую степень свободы и самостоятельности в предпринимаемых мерах), непредсказуемость последствий отдельных решений государств и ответственность за их принятие (например, признание международных террористических организаций национально - освободительными движениями, их материальная и финансовая поддержка) вынуждают государства с большой осторожностью подходить к определению и международно-правовому регулированию такой сферы взаимодействия, где будет возможно не только избежать спорных вопросов, но и достичь единой правовой позиции, по которой отказ со стороны будущих участников международного договора является маловероятным. Это приводит к тому, что в рамках самого международно-правового аспекта антитеррористического сотрудничества юридическую регламентацию получают лишь те вопросы, которые в силу своего содержания редко вызывают возражения (необходимость обмена информацией, криминализация конкретных составов преступлений, содействие в расследовании преступлений и т.д.).

Весьма показательным в этом вопросе является не включение в Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. статьи о преступлении терроризма вслед-

ствие невозможности достичь согласия по определению понятия «терроризм». Основным камнем преткновения в разработке определения данного понятия всегда была и остается проблема квалификации действий национально-освободительных движений. По мнению А. Кассезе, самым главным препятствием консенсусу был вопрос: признавать действия таких движений террористическими или нет? Проблема могла быть разрешена внесением соответствующего положения в определение «терроризма», однако против этого выступили западные страны. В этой связи А. Кассезе делает вывод, что государствам не удалось достичь соглашения по вопросу о включении данного положения, а не по вопросу об определении «терроризма» [Cassese, 2003. pp. 120–121]. В доктрине, а также позициях отдельных государств, эта мысль, в целом, поддерживается. При этом указывается на необходимость разработки такой дефиниции, которая отграничит борьбу народов за самоопределение от преступлений терроризма, признавая ее в качестве правомерных актов насилия [Латыпов, 1988, с. 137; Федянин, 1998, с. 16-20; Lavalle, 2007, p. 94].

Другим показательным примером, иллюстрирующим как нежелание или неспособность государств достичь единой согласованной воли по принципиальным вопросам антитеррористического сотрудничества, так и существующую дистанцию между теоретической и практической сторонами указанного сотрудничества, является характер и содержание принимаемых государствами документов.

Если юридически обязательные международные договоры имеют в большой степени одинаковую структуру и (в силу вышеназванных причин) схожее ограниченное содержание, то рекомендательные акты государств не только охватывают практи-

чески все вопросы антитеррористического сотрудничества (в том числе и за пределами современного договорного регулирования), но и содержат позиции по таким вопросам, которые в силу своей значимости а priori исключаются при любой разработке текста международного договора по борьбе с терроризмом (поиск причин терроризма и их искоренение, понятие преступления государственного терроризма, попытки отделения от преступления терроризма актов правомерного насилия и т.д.)¹.

В некоторых аспектах государствам все же удается достичь отграничения актов терроризма от других преступлений, однако это отрицательно сказывается на предметной универсальности сотрудничества. Например, одной из общих позиций государств, закрепленных в антитеррористических конвенциях, является выведение из-под охвата данных международных договоров действий вооруженных сил во время вооруженного конфликта. И как следствие – ядерного материала, используемого или сохраняемого для военных целей, а также ядерных установок, содержащих такой материал². Иными словами, преступления, совершенные с помощью такого материала или против таких установок, не будут считаться актами терроризма.

3. Комплексный характер терроризма как явления международной жизни. Терроризм как явление характеризуется множеством измерений, среди которых присутствует как правовое измерение, так и политическое [Ляхов, 1987, с. 20], психологическое, историческое, технологическое [Змеевский, Тарабрин, 1996, с. 14], социальное, этимологическое [Латыпов, 1988, с. 135; Федянин, 1998, с. 15], психологическое [Golder, 2004, с. 272], криминологическое [Lavalle, 2007, с. 95] и др. Подобная многоаспектность обуславливает и соответствующий характер сотрудничества. Совершенно очевидно,

¹ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 г.; Доклад Специального комитета по международному терроризму. Дополнение № 37 (A/34/37) // ООН, 1979; Резолюция ГА ООН 39/159 1984 г. «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах»; Резолюция ГА ООН 49/60 1994 г. «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма».

² Например: пп. б) п. 4 и п. 5 ст. 2 Конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1980 г.; преамбула и п. 2 ст. 4 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

что указанные проблемы не могут, да и не должны решаться исключительно при помощи международно-правовых механизмов (не говоря о том, что ряд проблем имеет к международному праву весьма отдаленное отношение). Более того, далеко не все отношения, возникающие в этой связи, могут стать предметом международного договора. Это, в свою очередь, приводит к ограничению предметной сферы международно-правовой регламентации, т.е. на практике международные договоры охватывают более узкие вопросы, чем могут стоять у государств на повестке дня.

4. Помимо предметной ограниченности следует отметить и ограниченность международно-правового инструментария.

Одной из задач, которая стоит перед международным правом, является создание упорядоченной, последовательной, отвечающей общим интересам, а главное, эффективной и действенной системы регламентации международных отношений.

В то же самое время международное право как регулятор указанных отношений не безгранично по своему охвату: оно не может предоставлять юридическую квалификацию абсолютно любому явлению международной жизни, особенно когда речь заходит о таких комплексных категориях, как терроризм. При этом не следует говорить о несовершенстве международно-правового инструментария или неспособности государств на формирование единой политической воли. Проблема заключается в самом понятии: вследствие многогранности явления терроризм не может быть ликвидирован исключительно международно-правовыми механизмами или иными схожими, а значит, любые механизмы противодействия терроризму обречены быть неполными. Однако это не означает, что международное сотрудничество в таком случае становится фрагментарным – противостоять терроризму вообще как явлению невозможно, на практике же государства способны бороться лишь с его конкретными проявлениями, в чем отмечается значительный успех, в том числе и на международно-правовом уровне.

Обозначенная ограниченность международно-правового регулирования практической сферы антитеррористического сотрудничества вовсе не означает наличие низкой эффективности. Концентрация усилий на определенном аспекте сотрудничества (противодействие захвату заложников, бомбовому терроризму, актам, направленным против безопасности гражданской авиации или морского судоходства) позволяет государствам не только своевременно и результативно реагировать на наиболее актуальные вызовы и угрозы современности, но и создавать новые формы и механизмы оперативной борьбы с конкретными преступлениями.

Более того, не все теоретические аспекты вопроса борьбы с международным терроризмом могут быть переведены в практическую плоскость или вовсе иметь научно-исследовательскую ценность для международного права (вопрос целесообразности дефиниции преступления терроризма, исследование его причин, классификации терроризма).

Вышеперечисленные факторы позволяют обозначить некоторые тенденции и перспективы дальнейшего развития теоретической и практической составляющих вопроса антитеррористического сотрудничества.

Теоретические аспекты. Несмотря на наличие дискуссий по ряду спорных теоретических вопросов, как в доктринальных исследованиях, так и на уровне государств³ (классификация преступления терроризма как международного преступления; создание специального международного судебного учреждения по преступлениям терроризма или отнесение данного преступления к компетенции существующих международных трибуналов; преступление терроризма и национально-освободительные движения и др.), следует отметить, что данные дискуссии идут уже более полувека без видимого результата, который зачастую зависит от изменения не столько правовых позиций государств, сколько от политических.

³ Доклад Специального комитета по международному терроризму. Дополнение № 37 (A/34/37) // ООН, 1979.

Что же касается новых теоретических проблем, то их появление уже маловероятно, поскольку акты терроризма уже многократно и детально проанализированных в доктрине, что сводит на - нет практически любую возможность появления научной новизны в исследуемой области. Например, современные исследователи преступления геноцида, несмотря на частое обращение к рассматриваемой тематике, не добавляют к международно-правовой квалификации данного преступления новые аспекты. Аналогичная ситуация в сотрудничестве государств по борьбе с терроризмом. Растущее количество доктринальных исследований по этому вопросу не приводят к качественному изменению теоретических подходов к квалификации данного преступления.

Практические аспекты. Практическая плоскость антитеррористического сотрудничества выглядит наиболее перспективной. Здесь отмечается как поступательное движение по всеохватывающей юридической регламентации сложившихся в результате многолетней практики областей противодействия терроризму, так и образование новых механизмов, характеризующихся гибким подходом к выбору форм и методов сотрудничества. В рассматриваемой области можно отметить, как минимум, четыре направления.

Во-первых, диверсификация существующих направлений борьбы, что на практике выражается в заключении: 1) международных договоров, закрепляющих более широкую правовую регламентацию существующих составов преступлений⁴; 2) международных договоров, обобщающих все вероятные составы преступления терроризма в определенной области, а также методики противодействия им⁵; 3) международных договоров, предусматривающих меры по предупреждению актов терроризма, в отношении которых в настоящий момент существует международно-правовая регламентация⁶; 4) дополнительных протоколов к действующим антитеррористическим конвенциям⁷.

Во-вторых, международно-правовая регламентация сотрудничества государств в других областях противодействия преступности, имеющих прямое или косвенное отношение к контртеррористическому сотрудничеству⁸.

В-третьих, разработка общеобязательных механизмов сотрудничества в различных смежных областях, в первую очередь, обеспечение уважения и защиты прав человека. В данной сфере межгосударственного взаимодействия следует выделить такие направления как: 1) разработка стандартов по защите прав жертв террористических актов,

⁴ В 2016 г. Россия выступила с инициативой разработки Международной конвенции о борьбе с актами химического терроризма, расширяющей существующую регламентацию, закрепленную в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. Высказывалась точка зрения о необходимости распространения данного договора и на акты биологического терроризма.

⁵ Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г. (в силу не вступила), объединившая положения Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г., Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1988 г., а также Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. и Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

⁶ Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. (ответственность за публичное подстрекательство, вербовка, подготовка лиц к совершению актов терроризма); Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2015 г. (ответственность за умышленное участие в организации или группе в целях совершения актов терроризма, получение знаний и навыков в целях совершения актов терроризма, выезд за границу в целях терроризма и др.).

⁷ Протокол 2005 г. к Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 г.; Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.

⁸ Европейская конвенция о выдаче 1957 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.; Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г.; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г.; Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 2008 г.

включающих в себя обязанность принятия превентивных мер для защиты индивида, чья жизнь находится под угрозой, от террористических актов [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 30; Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 8], а также средств судебной защиты, в том числе эффективное расследование и судебное преследование предполагаемых преступников, защита свидетелей преступлений [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 31], обеспечение возмещения ущерба пострадавшим [Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 9]; 2) разработка стандартов соблюдения прав человека при проведении контртеррористических мероприятий, в частности нормативное закрепление всех ограничений прав человека при проведении таких мероприятий, их необходимость и пропорциональность преследуемой цели, запрет дискриминационного или расистского отношения [Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 8-9], защита жизни лиц, оказавшихся в зоне проведения анти-террористических мероприятий [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 128]; 3) разработка стандартов по обеспечению прав лиц, подозреваемых в совершении актов терроризма, в частности запрет пыток [Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 9], внесудебных казней [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 123] и насильственных исчезновений⁹, предоставление компенсации жертвам незаконного ареста [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 32].

В-четвертых, разработка и принятие мер по решению конкретных военных, техниче-

ских, оперативных и др. задач антитеррористического сотрудничества¹⁰.

Следует также отметить и параллельный процесс: усиление роли и вовлеченности в борьбу с терроризмом неправовых форм сотрудничества. Принимая во внимание тот факт, что согласование позиций и заключение соответствующего международного договора представляет собой длительный процесс, неподходящий для принятия неотложных мер реагирования, государства предпочитают упрощенные процедуры выработки решений. Таким образом, практические аспекты сотрудничества вместо международно-правовой регламентации все чаще находят отражение в рамках многосторонних¹¹ и двусторонних¹² договоренностей.

Как представляется, именно практические аспекты противодействия актам терроризма составят предмет будущих международно-правовых исследований и межгосударственных переговоров. При этом в силу складывавшейся десятилетиями практики решение новых практических задач, как правило, находится в плоскости вышеуказанных четырех направлений или их комбинаций. Безусловно, это не исключает возможности разработки конвенций по борьбе с преступлениями, не отраженными в международном праве (например, кибертерроризм). Однако и в этом случае, за исключением нового состава преступления, основа механизма противодействия будет строиться на уже закрепленных в антитеррористических конвенциях мерах, многократно подтвердивших свою эффективность.

Одной из тенденций, возникшей в результате усиления защитных мер от вероятных высокотехнологичных форм террористической деятельности (акты терроризма с при-

⁹ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.

¹⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики 2015 г.; Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Исламской Республики Пакистан о военном сотрудничестве 2014 г.

¹¹ Инициатива по безопасности в области распространения – механизм по предупреждению распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и соответствующих материалов; Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения и т.д.

¹² Российско-американские договоренности по урегулированию конфликта в Сирии, 15 июля и 9 сентября 2016 г.

менением оружия и материалов массового уничтожения, средств их доставки, нападения на АЭС и т.д.) стало обращение террористических организаций к наиболее примитивным, но при этом массовым методам запугивания. Речь идет об использовании «смертников», огнестрельного и холодного оружия, а также совершении преступлений без оружия как такового.

Одним из первых государств, пожелавших закрепить меры по борьбе с «террористами-смертниками» на международно-правовом уровне, был Израиль, заявивший в 2002 г. о намерении разработать соответствующий проект конвенции¹³. В настоящее время вопрос противодействия всем формам бомбового терроризма урегулирован в нескольких международных договорах¹⁴. Осознавая отсутствие необходимости дублировать положения существующих международных договоров, а также то, что противодействие «террористам-смертникам» представляет собой вопрос более организационно-технического характера, следует признать небольшие перспективы заключения такого международного договора.

Иная ситуация складывается в отношении таких резонансных преступлений как: нападение на редакцию газеты «Шарли Эбдо» 7 января 2015 г., нападение с холодным оружием на пассажиров поезда на юге Германии 18 июля 2016 г., нападение с холодным оружием на католическую церковь во Франции 26 июля 2016 г., использование грузовых машин в Ницце и Берлине 14 июля и 19 декабря 2016 г. Заметим, что противодействие подобным преступлениям, жертвами которых становятся граждане многих государств, не находит сегодня отражения в международном праве. Безусловно, сотрудничество по расследованию указанных актов терроризма идет на двустороннем и многостороннем уровнях на основе взаимности или общих договоров о сотрудничестве. В то же время отсутствие единого общеобязательного универсаль-

ного механизма по борьбе с данными преступлениями не приведет к качественному улучшению состояния международной безопасности.

Возникает вопрос о возможности разработки такого международного договора (как нового, так и дополняющего существующие), который смог бы объединить меры противодействия обозначенным актам. Основной проблемой, как видится, является общеуголовный характер преступлений. Причисление их к актам международного терроризма может создать негативную практику распространения данной квалификации на неограниченный круг противоправных деяний, в том числе и тех, что не являются актами терроризма. По такому пути пошли разработчики проекта Всеобщей конвенции по международному терроризму, предусмотревшие, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и умышленно любыми средствами совершает деяние с целью причинить смерть или тяжкое телесное повреждение любому лицу; или серьезный ущерб государственному или правительственному объекту, системе общественного транспорта, коммуникационной системе или объекту инфраструктуры с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, или когда такое разрушение влечет или может повлечь причинение крупного экономического ущерба, когда цель такого деяния в силу характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Высокая степень обобщения данного подхода имеет негативную сторону: например, причинение смерти или тяжкого телесного повреждения любому лицу с целью запугивания населения необязательно, по своей сути, представляет акт терроризма (убийство лицом граждан определенного иностранного государства

¹³ Израиль разработал конвенцию по борьбе с камикадзе. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/369586>. Дата обращения: 09.03.2017.

¹⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г., а также разработанные на их основе международные договоры.

с целью запугать население может квалифицироваться как убийства, направленные возбуждение вражды по признакам национальности; под это определение подпадают и преступления серийных убийц).

По мнению автора, более прагматичным подходом будет выделение иного обобщающего критерия, свойственного всем актам терроризма последних лет: принадлежность причастных лиц к террористическим организациям. В связи с этим в качестве преступления должна рассматриваться принадлежность лиц к организации, признанной преступной (по аналогии с положениями ст. ст. 9-11 Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г.). Безусловно, сопутствующими вопросами станут и порядок признания организации преступной, и разные оценки деятельности отдельных организаций (например, Организация освобождения Палестины, Рабочая партия Курдистана, деятельность которых неодинаково квалифицируется государствами). Тем не менее, сегодня в отношении большинства террористических организаций и их действий государства имеют единое мнение.

Некоторые общие шаги в данном направлении были сделаны в ряде международных договоров. Так, преступлением считается совершение акта терроризма группой лиц, действующих с общей целью; организация других лиц или руководство ими с целью совершения акта терроризма; деятельность групп и организаций, поощряющих, подстрекающих, организующих, финансирующих или участвующих в совершении актов терроризма¹⁵; вербовка террористов¹⁶. Дальше всех в этом вопросе пошли разработчики Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2015 г., закрепившие в качестве преступления участие в организации или группе с целью терроризма: участие в дея-

тельности организации или группы в целях совершения или содействия совершению одного или более террористических преступлений (ст. 2). Однако универсальный подход к пониманию и решению проблемы в настоящий момент отсутствует.

Сегодня международно-правовые механизмы сотрудничества государств по борьбе с терроризмом не следует рассматривать исключительно с позиций очередного, промежуточного этапа становления универсальной системы антитеррористических мер. Сложившаяся система международных договоров и сформировавшаяся, отработанная десятилетиями практика взаимодействия, с одной стороны, а также политические позиции государств и первоочередной учет национальных интересов в вопросе обеспечения международного мира и безопасности – с другой, позволяют говорить о достижении на современном этапе качественных пределов антитеррористического сотрудничества. Вполне вероятно, что международное сообщество обозначило максимально возможные границы международно-правового регулирования борьбы с терроризмом. Дальнейшее сотрудничество, как уже было отмечено выше, возможно лишь в рамках количественного изменения: вариации и комбинации действующих межгосударственных механизмов.

Вышеуказанная природа комплексного явления терроризма и подходов к его противодействию не может не учитываться при определении сущности и общего направления международно-правовой регламентации антитеррористического сотрудничества. Данные аспекты устанавливают пределы как практического развития, так и (с точки зрения международного права) границы научного исследования. Будучи не единственным средством регулирования отношений по борьбе с терроризмом, международное право способно предло-

¹⁵ Ст. 7 Конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1980 г.; ст. 2, ст. 15 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.; ст. 2, ст. 18 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; ст. 2, ст. 7 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.; ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г.; ст. 2 Протокола, дополняющего Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 2010 г.

¹⁶ Ст. 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.

жить пусть и не всеобъемлющую, но в то же время многоаспектную систему мер. Разработанные на основе международного права механизмы – это составная, юридическая, наиболее организованная и упорядоченная часть международного сотрудни-

чества, главное преимущество которой (в отличие от политических, экономических, религиозных и иных механизмов) – гарантия эффективности, обусловленная согласованной волей государств и обязательным характером нормативных предписаний.

Литература

1. Борьба с терроризмом и защита прав человека. Руководство. ОБСЕ, 2009. 312 с.
2. Змеевский А.В., Тарабрин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. – 1996. – №4 – С. 14-17.
3. Латыпов У.Р. К вопросу об определении международного терроризма // Советский ежегодник международного права. – 1988.
4. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М.: Междунар. отношения, 1987. 181 с
5. Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом. Комитет Министров Совета Европы. 2003. 48 с.
6. Федянин В.Ю. Проблемы выработки универсального определения терроризма // Московский журнал международного права. –1998. – № 1. – С. 12-28.
7. Cassese A. International criminal law. Oxford, 2003. 472 p.
8. Golder B., Williams G. “What is «terrorism»? : problems of legal definition”, University of New South Wales Law Journal, vol. 27, 2004, pp. 270-295.
9. Lavalle R. “A politicized and poorly conceived notion crying out for clarification: the alleged need for a universally agreed definition of Terrorism”, Zeitschrift fur ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht, vol. 67, 2007, pp. 89-117.

Prospects for the International Legal Cooperation in the Struggle against Terrorism

*Ivan I. Sinyakin**

Abstract. At the present moment the international community has developed a multilevel system of coordinated and immediate counteractions, capable of eliminating any terrorist threats and challenges. However, spate and high rate of terrorist activities raise the question of the essence, possibility of preventive measures, effectiveness and prospects of current international cooperation on suppression of acts of terrorism. There is a wide-spread opinion that the international community is incapable of establishing mechanism on the basis of international law for suppression of modern acts of terrorism. The research of the specificity of states cooperation partially proves this opinion: modern system of counterterrorism cooperation is a limited mechanism. The article contains analysis of modern theoretical and practical aspects of international legal counterterrorism cooperation, and prospects for further development in the context of new threats and challenges.

Keywords: acts of international terrorism; international law; international peace and security.

* Ivan I. Sinyakin – Ph.D in law, Associate professor of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. ilc48@mail.ru.

References

1. Bor'ba s terrorizmom i zashhita prav cheloveka. Rukovodstvo [Counterterrorism efforts and human rights protection. Guidance] OBSE. 2009. 312 s.
2. Zmeevskij A.V., Tarabrin V.E. Terrorizm. Nuzhny skoordinirovannye usilija mirovogo soobshhestva [Terrorism. Need for orchestrated efforts of world community] // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. – 1996. – №4 – S. 14-17.
3. Latypov U.R. K voprosu ob opredelenii mezhdunarodnogo terrorizma [Revisiting the definition of terrorism] // *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. – 1988.
4. Liahov E.G. Politika terrorizma – politika nasilia i agressii. M.: Mejunarodnye otnoshenia, 1987. 181 p.
5. Rukovodjashhie principy v oblasti prav cheloveka i bor'by s terrorizmom. [Guidelines for the human rights and counterterrorism] Komitet Ministrov Soveta Evropy. 2003. 48 s.
6. Fedjanin V.Ju. Problemy vyrabotki universal'nogo opredelenija terrorizma [Formulation problems of the universal definition of terrorism] // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. – 1998. – № 1. – S. 12-28.
7. Cassese A. *International criminal law*. Oxford, 2003. 472 p.
8. Golder B., Williams G. “What is «terrorism»? : problems of legal definition”, *University of New South Wales Law Journal*, vol. 27, 2004, pp. 270-295.
9. Lavalle R. “A politicized and poorly conceived notion crying out for clarification: the alleged need for a universally agreed definition of Terrorism”, *Zeitschrift fur auslandisches offentliches Recht und Volkerrecht*, vol. 67, 2007, pp. 89-117.